ВИЛЕНСКИЙ-
СИБИРЯКОВ
ДЕНЬ ПАДЕНИЯ ЦАРИЗМА

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА „КАТОРГА и ССЫЛКА“

1927 г. № 1

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ОСВОБОЖДЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ИЗ ЦАРСКИХ ТЮРЕМ

В. Д. ВИЛЕНСКИЙ (СИБИРЯКОВ)

ДЕНЬ ПАДЕНИЯ ЦАРИЗМА

— МОСКВА —
1927

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА „КАТОРГА и ССЫЛКА"

1927 г. № 1

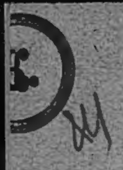
Вл. ВИЛЕНСКИЙ-СИБИРЯКОВ

ДЕНЬ ПАДЕНИЯ ЦАРИЗМА

1917 $\frac{\text{12 МАРТА}}{\text{28 ФЕВРАЛЯ}}$ 1927

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ

Москва — 1927

Главлит № 79.201
Тираж 7.000 экз.

Зак. 1271

День падения царизма.

1917 г.—12 марта (28 февраля)—1927 г.

12 марта 1917 года—знаменательнейший день, которому суждено было открыть новую страницу в истории России. Это—день падения твердынь царизма, день победоносного завершения почти столетней борьбы российских революционеров с самодержавием.

12 марта 1927 года мы справляем первое десятилетие победы Февральской (по старому стилю) революции. Быстро бегут годы. Прошло десять лет бурной революционной борьбы за расширение базы русской революции; десять лет борьбы за интересы трудящихся,—борьбы, давшей нам возможность на развалинах бывшей Российской империи утвердить первую в мире республику серпа и молота.

Десятилетие—достаточный срок для того, чтобы оглянуться назад и дать должную историческую оценку дате 12 марта 1917 года.

Для нас, бывших подпольщиков-революционеров и в то же время бывших политических каторжан и ссыльно-поселенцев, этот день имеет двойное значение. С одной стороны, это—день победоносного завершения больших десятилетий российского революционного движения, с другой, это—день освобождения именем революции десятков тысяч российских революционеров из царских застенков, каторжных тюрем и гиблых мест ссылки.

Длинен путь русского революционного движения. Почти столетие понадобилось, чтобы декабрьское выступление на Сенатской площади в 1825 году, направленное против царизма, нашло свое завершение в Февральской революции 1917 года, покончившей не только с самодержавием, но и со всем буржуазным строем России.

Декабристы это—отражение идей Великой французской революции в условиях русской действительности. Они первые дали массовую политическую каторгу и ссылку, поразившую, в силу исключительного социального состава сосланных (дворянство и знать), воображение русской общественности и приковавшую ее внимание к тем идеям, во имя которых декабристы пошли в сибирские рудники.

А дальше призывно звенел из-за рубежа „Колокол" Герцена, призывавшего все, что есть на Руси честного, на борьбу с царизмом; росли и крепли идеи необходимости революционного действия среди разночинной интеллигенции, которая в семидесятых годах пошла в народ для того, чтобы путем агитации и пропаганды поднять его на дело революции.

Хождение в народ революции не сделало, но это была мобилизация революционных сил российской интеллигенции, давшая возможность несколько позднее выделить из своей среды сгусток революции—партию „Народная Воля", поставившую своею целью вести политическую борьбу против самодержавия при помощи динамита. „Народная Воля" это—героическая страница русской революции: она расшатала веру в незыблемость русской монархии и сыграла громадную роль в деле воспитания последующих поколений российских революционеров. Кучка бесстрашных революционеров-бойцов взяла в железные клещи революции российский царизм, и если она его не раздавила в этих клещах, то только потому, что силы отдельных групп революционеров были еще недостаточны.

Эту задачу должно осуществить массовое рабоче-крестьянское движение. Но героическая борьба народовольцев сделала свое дело; она мобилизовала внимание трудящихся масс России вокруг борьбы с царизмом и дала образцы революционного героизма, на которых воспитывалось современное нам поколение деятелей Февральской и Октябрьской революций.

В качестве же основной предпосылки для массового революционного движения нужно было развитие экономики страны; нужен был переход от форм натурального хозяйства к денежному; нужно было развитие промышленности и образование кадров российского пролетариата, который должен был взять на себя революционную инициативу.

И русский рабочий, действительно, взял эту революционную инициативу. Девяностые и девятисотые годы были периодом накопления сил массового рабочего движения в России. Революция 1905 года была первым революционным шквалом, который лизнул подножие трона Романовых, но он еще не развил нужных сил для того, чтобы свалить этот трон и разбить его вдребезги.

Трон удержался, волна первой русской революции откатилась...

И опять началось медленное накопление сил революции. Царизм оказался мало дальновидным. Он проглядел рост сил революции. Революция вновь пришла, и на этот раз волна ее поднялась высоко, ее натиск был стремителен, удар беспощаден,—подгнившее здание царизма было снесено до основания. Сковывавшие народы России цепи рабства пали.

* * *

Первый шаг, который сделала победоносная вторая революция, это было освобождение царских пленников—российских революционеров. Она сорвала замки

с тюремных засовов, открыла двери политической тюрьмы, каторжных централов и т. п. и приняла в свои ряды десятки тысяч русских революционеров-подпольщиков, до этого времени томившихся в царских застенках и ссылке.

На протяжении десятилетий царизм пытался укрепить свой шатающийся трон при помощи тюрьмы, каторги и ссылки. И чем выше поднималась волна революции, тем все больше увеличивалось число каторжных тюрем и новых мест политической ссылки, а вместе с тем—и число царских пленников, населявших эти царские застенки.

Кто из грамотных людей на Руси не знает имен этих русских „Бастилий“—Шлиссельбургской и Петропавловской крепостей, московских Бутырок, Таганки, каторжных централов в Орле, Смоленске, Вологде и т. д.? Сибирь, это—сплошная страна ссылок, унизанная каторжными тюрьмами; ссылки — якутская, туруханская, нарымская, верхоленская, забайкальская и т. п. А эти знаменитые сибирские каторжные тюрьмы—Акатуй, Зерентуй, Кутомара или каторжные централы Тобольска и Александровска! Наконец, этот длинный путь в десяток тысяч верст через Россию и Сибирь от Шлиссельбурга до острова Сахалина, усеянный этапными тюрьмами—вот та огромная царская тюрьма, куда Романовы прятали своих политических противников.

При помощи тюрьмы, каторги и ссылки русское самодержавие думало обезвредить русскую революцию, изуродовать, искалечить революционных деятелей, выхолостить революционное содержание той большой волны революционного под‘ема, которая с каждым годом поднималась все выше и выше.

Самодержавие не щадило своих политических противников. Порой оно делало вид, что в России тоже „по-европейски“ обращаются с заключенными в тюрьмах. Но по существу, царские опричники придержи-

вались самых варварских способов расправы с теми, кого они считали своими личными врагами.

„Государева тюрьма Шлиссельбург"—ужасна, но в тысячу раз ужаснее застенки многочисленных каторжных централов, где усмирялась и „угроблялась" первая русская революция 1905 года. Много драгоценных жизней унес старый Шлиссельбург, но немногие дожили до наших дней из тех русских революционеров, которые попали в Псковский, Орловский, Тобольский и др. каторжные централы.

Вся система борьбы царизма с революцией была построена на стремлении физического уничтожения деятелей последней. Тысячи чиновников в различных царских канцеляриях думали об одном—как бы изобрести новый способ „угробления" революционеров для того, чтобы обезопасить покой самодержавия. Отсюда шли различные циркуляры и приказы, которые неукоснительно осуществлялись в тюрьмах, централах, пересылках и местах ссылок.

Однако, как ни оголтела была эта азиатская политика самодержавия по отношению к русской революции и ее активным участникам, попадавшим в лапы самодержавия, тем не менее царизм и его опричники были бессильны против нарастающей революционной волны, непрерывно нарастающей. Было время, когда русские цари могли обходиться десятком застенков в старом Шлиссельбурге, где они держали своих политических противников. Позднее Александр III вынужден был выстроить в Шлиссельбурге новую тюрьму на сорок застенков. Но революционное движение росло, и царизм должен был расширять свои застенки, увеличивать их число, должен был строить десятки новых каторжных централов.

Жалкие тупицы, охранявшие царизм, не могли понять, что их тюрьмы недостаточны для того, чтобы вместить в себя даже самую маленькую частицу русской революции, которая, подобно снежному кому,

катящемуся с горы, росла по мере своего движения и в конце-концов раздавила царизм со всеми его тюрьмами и каторжными централами. Можно было бороться с революционерами-одиночками или с немногочисленными группами, но нельзя было бороться тюрьмами с массовым революционным движением. Казалось бы, что после революции 1905 года это должно было бы сделаться понятным для самых дефективных из царских охранников. Увы, они ничего не поняли и ничему не научились! Они строили и расширяли тюрьмы, писали циркуляры и по своей великой наивности думали, что они навсегда хоронят русскую революцию... И проглядели эту революцию, которая пришла, разбила вдребезги трон самодержавия, сбила засовы с тюремных камер, сбросила оковы с ног каторжан и освободила плененных царизмом его политических противников.

12 марта 1917 года восставший народ освободил политических заключенных из царских тюрем. В этот день полетела весть о победоносной революции по всей России, и ее волей и велениями тысячи „лишенцев", „вечников", „срочников", „крестьян из ссыльных" возвращались в свое первобытное состояние—российских революционеров.

* * *

Нам не раз уже приходилось отмечать значение тюрьмы, каторги и ссылки, как большой школы революции, где воспитывались революционные кадры, где нарастала бешеная злоба против царизма и конденсировалась та несокрушимая энергия, которая и послужила главным залогом успеха русской революции.

Если в былое время каторжане и ссыльные из так-называемых привилегированных и разночинцев, попадая в царскую тюрьму, могли использовать время

своего заключения для пополнения своего образования, то новое поколение массового движения, особенно участники первой русской революции 1905 года, буквально учились на каторге и вообще в царских тюрьмах.

С каким рвением учились в каторжных тюрьмах матросы, солдаты, рабочие и крестьяне! Алгебра, грамматика, история, политическая экономия и т. п,— все это жадно проглатывалось, как проглатывались торопливо и жадно сотни книг самого разнообразного содержания—от легкой беллетристики до „Капитала" К. Маркса.

В царской тюрьме десятки тысяч рабочих и крестьян осмысливали опыт первой русской революции, обменивались опытом, обсуждали разного рода волнующие революционные вопросы и т. п. Тюрьмы, пересылки, каторга и места ссылки предоставляли самые широкие возможности для общения десятков тысяч учеников революционного движения, для личных знакомств и всестороннего обсуждения опыта революции 1905 года.

Самодержавие перегнуло палку своего карательного воздействия на революцию. Оно не учло размеров движения и вместительности своих тюрем; а отсюда— необходимость широкого использования ссылки, с одной стороны, а с другой,—скученность в тюрьмах и невозможность в первые годы, т.-е. с 1906 по 1909 г.г., применить режим изоляции к своим политическим противникам. Было время, когда тюрьмы были своего рода „гостиницами", куда привозили людей, где они жили шумной жизнью, кипучей „общественностью" с тысячью теоретических споров и откуда они уходили или на волю за „недостаточностью улик" и „состава преступления", или в ссылку, ибо по недостаточности размеров своих каторжных тюрем самодержавие физически не могло всех закатать на каторгу.

Кому из нас, политических каторжан и ссыльных, пришлось побывать в этот период на узловых станциях, как, например, в Красноярской пересыльной тюрьме, Иркутской или на знаменитом Ленском дворе Александровской пересылки, тот видел буквально всю каторжную и пересыльную Россию, которая растекалась по ссылкам и каторжным тюрьмам Восточной Сибири - этому излюбленному месту изоляции политических врагов самодержавия.

Широким потоком шла через эти этапы и пересылки волна осужденных; порой получались заторы в силу пересыльного половодья, и тогда в таких пересылках, как Красноярская или Ленский двор, скоплялись сотни, а порою и тысячи пересылаемых. В эти моменты происходило нечто похожее на всероссийские «конференции» и «с'езды», где происходили межпартийные турниры, обстоятельнейшие дискуссии и где, на ряду с обычной тюремной волынкой и политическим азартом, шел процесс воспитания широких масс с взаимной шлифовкой, как это бывает с осколками гальки, которая, увлекаемая мощным потоком речного течения, шлифуется в своем движении, обтираясь друг о друга.

С большим опозданием самодержавие смогло учесть „нежелательные“ для себя последствия такой перегрузки тюрем, но в первые годы своей ликвидационной деятельности революции 1905 года оно об'ективно ничего сделать не могло и только позднее, когда волна ликвидационного азарта прошла, оно начало вводить тот «режим», который после целого ряда тюремных трагедий на почве кровавых расправ с политическими взял тюрьму «под замок», а ссылку— под соответствующий надзор, стеснив и урезав те возможности общения, которые ранее имела политическая каторга и ссылка.

В этот позднейший период каторга пережила большую борьбу против всяческих попыток тюремной

администрации унизить политических, приравнять их к уголовным преступникам. Политикам пришлось вести борьбу за вежливое обращение и против «тыканья». Особенно острой была борьба так называемых „стодесятников"—матросов и солдат, которые судились по 110 ст. за участие в вооруженном восстании и которых тюремная администрация хотела квалифицировать, как уголовных, против чего „стодесятники" решительно протестовали. Это давало поводы к многочисленным столкновениям, которые очень часто заканчивались кровавыми трагедиями.

Но и эта тяжелая и наиболее печальная по своим последствиям страница истории каторги тем не менее представляла собою одно из звеньев той закалки и политического воспитания широкой массы политических каторжан, которые были в сером и сыром виде взяты, как революционные повстанцы, и превращены царскими судами в каторжан и ссыльно-поселенцев.

Борьба за достоинство „политического" спаивала всю эту массу и толкала ее на путь политического воспитания.

Ссылка была обречена на материальную нужду, которая до известной степени ослабляла общественные возможности сравнительно с тюрьмами, но зато ссылка была все же волей, где при известных условиях получалась возможность добровольной группировки в разного рода артели и коммуны и где, после некоторого периода неустроенности, начиналась жизнь ссылки с ее своеобразными особенностями. Здесь, особенно в последние годы перед второй (Февральской) революцией, шла перегруппировка тех кадров тюрьмы и каторги, которые, начинившись теорией и разного рода программными вопросами, самоопределялись в партийном или фракционном отношении.

Можно было бы привести бесконечно много фактов и различного рода соображений, которые *неопровержимо утверждают, что тюрьма, каторга и ссылка, осо-*

бенно после 1905 года и по Февральскую революцию 1917 года, были огромной лабораторией революции, величайшей революционной школой, где успешно подготовлялись кадры русской пролетарской революции.

* * *

12 марта пали твердыни самодержавия. Это был момент, когда взрослые люди, прошедшие пытки и мучительства царских застенков, не издав звука в самые тяжелые минуты физической боли, плакали, как дети, от безумной радости сбывшейся революции. По-разному, в разных условиях, разметанные по необ'ятным пространствам, от тундр побережья Ледовитого океана до тюрем Нерчинской каторги и Бутырской тюрьмы, политические заключенные в этот момент переживали одно и то же чувство—безумную радость, переполнившую сердца тысяч людей, возвращавшихся революцией к жизни... к революционной работе.

Конец XIX и начало XX веков были началом массового рабочего движения, которое *борьбу с самодержавием рассматривало, как одно из ближайших средств для дальнейшей борьбы за социализм, за освобождение трудящихся от гнета капитала.* Поэтому неудивительно, что *падение царизма для нового поколения русских революционеров, населявших царские тюрьмы и места ссылок, было только завершением первого этапа борьбы, за которым маячила необходимость дальнейшей борьбы за социальную революцию.*

Проследите те настроения и те первые слова, с которыми выходили из тюрем тысячи русских революционеров, и вы там найдете революционный энтузиазм и максимализм требований, выношенных в царских тюрьмах и революционном подполье.

Правда, не у всех этот революционный максимализм каторги и ссылки сохранился надолго. Последующая

борьба размежевала бывших политических каторжан и ссыльных; но тот момент, когда они выходили из тюрем, из ссылок, — *для большинства из них этот максимализм революционных требований был обязательным символом веры. Тюрьма, каторга и ссылка на протяжении многих лет культивировали эту революционную веру в максимальные возможности русской революции.* И первая победа для многих была достаточным основанием для того, чтобы кинуться из тюрьмы, из ссылки в ряды освобожденного от ярма царизма народа с развернутым знаменем призыва к борьбе за социальную революцию, за власть трудящихся.

В исторической перспективе Февральская революция 1917 года была лишь этапом. Завершением русского революционного движения была третья русская революция—Октябрь 1917 года, когда власть взяли в свои руки рабочие и крестьяне. Промежуток между 12 марта и 7 ноября (25 октября) был периодом накопления сил пролетарской революции. В этот период раскачивались народные толщи русского крестьянства, шла организация рабочего класса и процесс внедрения революционных идей в армию, находившуюся в окопах. Сложение революционной энергии этих основных сил русской революции дало возможность в октябре взять власть в руки рабоче-крестьянского правительства.

Само собою разумеется, что движущими силами второй и третьей революций являлись массы, которые боролись за свои интересы и этим двигали ход политической истории России. Но в процессе развития революционного движения, в качестве одного из возбудителей революционной энергии, сыграли не малую роль политические каторжане и ссыльные. Революционный максимализм тюрем и гиблых мест, перенесенный в революционно-настроенную среду крестьянства и рабочих кварталов, был одним из сильных возбудителей революционной энергии народных толщ России того времени.

Будущему историку именно здесь придется искать ключ к пониманию целого ряда своеобразных исторических моментов, подготовлявших русский Октябрь. Ленин привез в апреле 1917 года из-за границы тезисы будущего Октября. Тысячи каторжан и ссыльных привезли из каторги и ссылки революционный максимализм, который содействовал не только расщеплению мелко-буржуазных партий в роде эсеров, меньшевиков и т. п., но и пред-октябрьской пропаганде и агитации, что в немалой степени содействовало революционизированию рабочих и крестьян, пошедших за интернационалистами и большевиками.

Для многих из каторжан и ссыльных выход из тюрьмы и ссылки и приобщение к политической действительности были связаны с личной трагедией именно потому, что их максимализм, подогретый тюремными переживаниями, оказался не ко двору партийным организациям, к которым они формально принадлежали. Так было с правыми эсерами и меньшевиками, которых организации одергивали и заставляли отказываться от тех идей, с которыми они сжились в царских тюрьмах и ссылках. Это — политическая трагедия многих сотен, если не тысяч, рядовых революционеров, числившихся в рядах эсеров и меньшевиков. Но не все из них сумели переступить через формальную принадлежность к „своей партии", и это создало для некоторых тупик, из которого многие до сего времени не нашли выхода.

Русская революция шла своей дорогой, не особенно заботясь о тех, кто не поспевал за ее стремительным бегом.

Трудящиеся России, конечно, не могли, в угоду тем или иным политическим планам г.г. Милюковых, Керенских, Черновых и иже с ними, отказаться от своих классовых интересов и от борьбы за экономическое и политическое раскрепощение. Логика нарастающей революции диктовала максимальные требо-

вания, она диктовала борьбу за диктатуру трудящихся, за полное уничтожение прошлого для того, чтобы рабочий класс совместно с крестьянством мог свободно и легко строить будущее. Отсюда лежал путь к Октябрю, к борьбе за Советы.

Период от начала февральских дней (12 марта) и до дней Октября должно рассматривать, как период не только накопления сил революции, но и перегруппировки ее основных кадров, которые проявили исключительное чутье политического понимания и организационного умения, нужное для организации стихии революции и руководства массами.

Из царских тюрем, каторги и ссылки пришли те революционные кадры, которые смогли стать костяком русской пролетарской революции; они же принесли с собою не только поразительную дисциплинированность, но и бешенную, несокрушимую энергию, которая была воспитана борьбою в подполье, в тюрьмах и местах ссылки. Эта же несокрушимая энергия и воля к победе дала возможность преодолеть те огромные трудности, которые стояли на путях утверждения завоеваний Октябрьской революции.

Сейчас эти трудные годы—позади. Мы одержали слишком много побед, чтобы не считать наше дело—дело революции—прочным. Оно прочно. Но это не значит, конечно, что у нас уже нет препятствий, нет угроз со стороны разного рода опасностей. Впереди у нас еще много препятствий, но тем не менее в день десятилетия падения самодержавия мы можем оглянуться на прошлое, на пройденный путь русской революции от ее истоков до нашего времени, можем спокойно оценить каждый из этапов этого пути и сделать надлежащую историческую оценку, которая за каждой эпохой признает ее роль в общей борьбе за интересы трудящихся.

В этой исторической перспективе Февральская революция 1917 года должна занять почетное место, как

этап русского революционного движения, знаменующий собою падение царизма и раскрепощение рабочих и крестьян от гнета монархии. Отсюда трудящиеся России смогли пойти по путям революционной борьбы к Союзу Советских Социалистических Республик, который вырос на месте низвергнутой 12 марта монархии.

Историческое значение 12 марта в том, что оно завершило почти столетнюю борьбу русских революционеров с самодержавием и, разбив вдребезги трон Романовых, расчистило трудящимся России путь к Октябрю.

Цена 10 коп.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1927 ГОД НА

I.

ДЕШЕВУЮ БИБЛИОТЕКУ

журнала „Каторга и Ссылка“

3-й ГОД ИЗДАНИЯ.

„ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА“ рассчитана на самые широкие читательск е массы. В общедоступной форме излагает отдельные моменты русского революционного движения.

26 №№ в год, размером каждый в **16** стр. с иллюстративной обложкой.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на 1 год—1 р. 50 к.
ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 6—10 к.

Вышли в свет:

№ 1. В. Д. Виленский-Сибиряков.—День падения самодержавия. Ц. 10 к.

№ 2. Семен Сибиряков.—Последние дни в ссылке. Ц. 10 к.

II.

ПОПУЛЯРНУЮ БИБЛИОТЕКУ

по истории революционного движения в очерках, воспоминаниях и биографиях

журнала „Каторга и Ссылка“

1-й ГОД ИЗДАНИЯ.

„ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА“ имеет целью в популярной форме дать материал для ознакомления и изучения отдельных этапов революционного движения в России. Каждая книжка будет сопровождаться кратким библиографическим указателем, портретами и иллюстрациями.

26 №№ в год, размером каждая **16—160** стр.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на 1 год 5 р., $\frac{1}{2}$ года 3 р.
ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 10—50 к.

Вышла в свет:

№ 1. Бочаров.—Февральская революция 1917 г. Ц. 25 к.

При одновременной подписке на „ДЕШЕВУЮ“ и „ПОПУЛЯРНУЮ“ БИБЛИОТЕКИ подписная плата **6** руб. в год.

Подписку направлять в ИЗДАТЕЛЬСТВО Всесоюзного О-ва Полит. Каторж.: МОСКВА—34, Лопухинск. пер., 5. **Тел. 3-64-73**

